

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОК
ГРАФА ЗЕНФТА

Петр Вяземский

**По поводу записок
графа Зенфта**

«Public Domain»

1876

Вяземский П. А.

По поводу записок графа Зенфта / П. А. Вяземский —
«Public Domain», 1876

«Книга, выше озаглавленная, вяжется, мало известна; но не лишена она исторической занимательности. Графе Зенфт был Саксонским посланником при дворе Наполеона I. Может быть, и не был он дипломат первостатейный, не Талейран, не Поццо-ди-Борго; но чтение книги его убеждает читателя, что он был умный, честный и добросовестный повествователь событий, в которых, хотя и находился второстепенным участником, но всегда внимательным и ясновидящим зрителем. Подобные свидетели и рассказчики могут иногда внушать более доверенности, нежели главные действующие лица: на них менее лежит ответственности; их я не столько нуждаюсь в восхвалении или оправдании действий своих...»

© Вяземский П. А., 1876

© Public Domain, 1876

Содержание

I	6
II	9
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Петр Вяземский

По поводу записок графа Зенфта

(Mémoires du comte de Senfft, ancien ministre de Saxe. 1868).

Наполеон I. – Александр I. – Лагарп. – Князь Чарторыйский. – Сперанский. – Граф Каподистрия. – Приписка.

I

Книга, выше озаглавленная, вяжется, мало известна; но не лишена она исторической занимательности. Графе Зенфт был Саксонским посланником при дворе Наполеона I. Может быть, и не был он дипломат первостатейный, не Талейран, не Поццо-ди-Борго; но чтение книги его убеждает читателя, что он был умный, честный и добросовестный повествователь событий, в которых, хотя и находился второстепенным участником, но всегда внимательным и ясновидящим зрителем. Подобные свидетели и рассказчики могут иногда внушать более доверенности, нежели главные действующие лица: на них менее лежит ответственности; их я не столько нуждаюсь в восхвалении или оправдании действий своих.

Саксония, как известно, оставалась верною союзницею Наполеона, когда другие Германские союзники его, или просто узники один за другим, пользуясь победами Русского войска, отходили и освобождались от прежнего победителя. Впрочем, точнее сказать, не Саксония оставалась верна, а король ее оставался верен Наполеону. Предпочитая политике личную честность, он не хотел изменять союзнику, почти повелителю, в то самое время, когда счастье начало изменять прежнему своему любимцу. Было одно время, что в Дрездене царствовал не король, находившийся тогда в роли пленника, а князь Репнин¹.

Судя по запискам Зенфта, не все государственные люди в Саксонии разделяли рыцарские сочувствия короля и приверженность его в Наполеону. В записках, о коих идет речь, не щадят его и не рисуют в благоприятном свете. Вот что, между прочим, встречаем в них: «Маркиз Досмон (le marquis d'Osmond), столь достойный почтения, в благородной простоте удаления своего от дел (retraite) ни малейшим пятном не задетый, имел полное право сказать об императоре Наполеоне: кто до него дотронется, тот запачкается (quiconque y touche, se salit)».

А вот любопытные и характеристические отметки о Наполеоне, при проезде его чрез Дрезден, после несчастного путешествия в Россию. «Он явился в комнате, в которой все собрались в ожидании его, уже одетые в дорожное платье. Вошел он напевая в полголоса (en fredonnant) какую-то песенку, с видом насмешливым и самодовольным (un air goguenard). Ясно было, что он хотел вязаться неподавленный под гнетом величайшего бедствия. Такое притворство не было приличным выражением бодрости души высокой: оно, может быть, скорее выказывало недостаток истинного великодушия и правильного образа мыслей. Подобное свойство и расположение ума его не было ли следствием понятий, которые остались в нем от первоначального воспитания и сделались ему привычными и сродными? Такая черта характера может быть присуща и настоящему величию, но она именно обличает себя в минуты великих кризисов и переломов, подобных тем, которых были мы свидетелями, когда почти непостижимым образом внезапно угасал и рассеивался призрак, так долго поражавший мир удивлением. К некоторым из присутствовавших лиц Наполеон обращался с вопросами, относившимися более до предлежавшего ему пути. Поговорив немного с королем, он поспешно отобедал и в семь часов вечера сел с герцогом Виченским в карету королевы. Карета поставлена была на санные полозья. По отъезде его, г-н де Серра сказал, что многие в Германии, если бы догадались, что вмещает в себе эта карета, дали бы ей знать себя (jouer quelque mauvais tour)».

Рассказ простой и в сущности маловажный; но под этими немногими словами подразумевается и чувствуется сцена из великой и роковой драмы. – Далее автор говорит, что, «вызывая новые усилия со стороны Поляков, Наполеон сказал: „Польский вопрос становится очень

¹ Нам случилось видеть официальные бумаги, на немецком языке, за подписью: Furst Repnin, Vice-König von Sachsen.

затруднительным; но Герцогство Варшавское должно устоять, будь оно оставлено в руках Саксонского короля, или передано кому другому“».

Нельзя здесь не заметить, что есть вопросы, которые история и время постоянно поднимают в известные дни и при известных обстоятельствах. Таковы, например, вопросы: Польский и Восточный. Еще со времен Екатерины не сходят они с очереди; дипломатия и публицистика живут и промышляют ими. На несколько времени они как бы и кое-как разрешаются и будто сдаются в архив; но, неугомонные, они и там окончательно не засыпают. Вдруг, ни с того, ни с другого, выскакивают они из архива, стряхивают с себя пыль и снова колобродят по белому свету. Такие вопросы задавались на решение Промысла и России и Наполеоном II-м, и Наполеоном III-мъ.

А вот еще выписка из этой книги, более для нас любопытная:

«Российский император в Эрфурте, 1808 года, говорил Саксонскому королю, что он чувствуешь себя лучшим (*se sent meilleur*) после каждой беседы с императором Наполеоном, и что час разговора с этим великим человеком обогащает его более, нежели десять лет опытности».

Точно ли в таких словах выразил Александр мысль свою, неизвестно. Можно даже, с некоторою достоверностью, предполагать, что сказанные им слова были умереннее и нотою ниже здесь пересказанных; но сущность, но смысл и духе их очень правдоподобны. Время Эрфуртского свидания было временем высшего увлечения Александра и вероятно искренних сочувствий его к Наполеону.

Известно, что при драматическом представлении у Наполеона в Эрфурте, *devant on parler de rois* (как говорили в то время), когда актер произнес стих:

L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux,

Император Александр, сидевший рядом с Наполеоном, схватил руку его и крепко пожал ее.

Как ни подозревали Александра в прирожденной и благоприобретенной хитрости, как ни был он, в полном значению слова, себе на уме, но нет повода сомневаться в искренности движения его и обаяния, которому он покорялся. Это обаяние даже очень понятно и естественно: Наполеон был из малого числа гениальных и светлых умов, когда страсть честолюбия не омрачала его. Все приближенные к нему согласовались в том, что в обхождении, в речи его было много обольстительного, особенно когда нужно было ему кого-нибудь приглубить и околдовать. Нет сомнения, что все заряды, все чары умственного кокетства его были обращены на Александра. Много в характере Наполеона еще не успело тогда выясниться. Ненасытный честолюбец еще не вполне и не до наготы сорвал с себя личину свою. Очень натурально, что он обольстил младшего собеседника своего, впечатлительного и несколько склонного к идеализации. Прибавим, впрочем мимоходом, что Эрфуртские впечатления могли и не закоренеть в Александре; но они и не закоренились. Характер Александра был не из одного слоя образован: в нем оттенков было много. За порою обаяния иногда следовало пора отрезвления; за порою доверчивости – пора не только охлаждения, но и мнительности. Все это человеческое, а особенно царское. Царю трудно быть постоянно идеалистом: из области надоблачной или безоблачной, в которой духе его витаете, сами же люди снизводят его на землю и часто переиначивают этот духе в школе опыта, дознания, разочарования, а иногда и раскаяния в излишней доверчивости.

В Императоре Александре могло скрываться еще другое побуждение, которое тогда влекло его к Наполеону. Мы уже говорили о строе ума его, несколько романическом. Но этот ум имел еще другое отпечаток, вследствие первоначального воспитания его, под руководством Лагарпа: а именно, отпечаток слегка демократический. Известно, что Государь мало

обольщался блеском присвоенный рождению и званию. В Наполеоне, вероятно, нравился ему человек, который власти ее наследствовал, а приобрел ее и царствование сам собою, завоевал их силою ума и воли, ценою подвигов, едва ли в истории не беспримерных. С этой точки зрения Александр мог ставить Наполеона в воображении и сочувствии своем на подножие, которое превышало все окружающее и все знакомое.

Впрочем, не один Александр в семействе своем был временно под очарованием Наполеона. Помню, как за обедом у Великой Княгини Екатерины Павловны, в Твери, возник оживленный спор между Великим Князем Константином Павловичем и Карамзиным. Первый говорил с восторгом о Наполеоне и с одушевлением превозносил гениальную качества его; другой, с хладнокровием и строгостью историка, судил о нем более умеренно и отклонял излишние похвалы, ему возносимые. Спор длился. Наконец Карамзин – как сам в том после сознался – утомленный этими прениями, сказал, что за многие подвиги и успехи свои Наполеон часто и преимущественно был обязан ошибкам противников своих. Эти слова не совсем были уместны и царедворцы; но они сорвались с утомленного языка. Карамзин спохватился, но поздно: сказанного слова не воротишь. Впрочем, спор кончился мирно и благополучно, то есть каждая сторона осталась при своем мнении.

Были приверженцы Наполеону и в правительственной русской среде: например канцлер граф Николай Петрович Румянцев и Сперанский. Разумеется, тот и другой полагали, что для России выгоднее было держаться политики его, нежели прекословить ей и раздражать Наполеона. Карамзин, как мы видели, был не поклонник Наполеона, но также не желал разрыва с ним, то есть войны. Он опасался ее для благоденствия и целости России. Историк не угадал 1812-го года, но и не обязан был угадывать его. История есть наука не предположений и не гаданий: она преимущественно наука опытности и преподающая уроки ее правительствам и народам.

II

Мы имели уже случай отметить способность Императора Александра пристращаться в лицам: он также пристращался в мыслям и предприятиям. Вообще привязывался он и предавался лицам только тогда, когда они казались ему представителями мысли им возлюбленной, или надежными орудиями для совершения задуманного предприятия. Он не имел при себе того, что на придворном языке называется любимцем или фаворитом; но при нем были и им самим уполномочивались влиятельные лица.

Натуры, одаренные способностью увлекаемости, бывают обыкновенно и сами привлекательны. Ум и сердце их имеют несколько открытых, доступных сторон, призывающих сочувствие и преданность. Натура слишком цельная, замкнутая в себе самой, как крепость, конечно, более или менее, застрахована от нападений и приступов как со стороны, так и от собственных ошибок, более уверена в силе своего сопротивления; но за то и остается она без сообщения с внешнею, окружающею ее жизнью. Она внушает уважение, но не любовь. Ей предстоит опасность завянуть и зачерстветь в своем величавом одиночестве. Повторяем: в подобной способности увлекаться и создавать себе идеалы есть признак особенной мягкости в свежести души восприимчивой и девственной. Много есть здесь высокочеловеческого, много любви и желания добра. Можно ошибаться в выборе сочувствий и приверженностей своих; ошибаться есть участь и дело всякого человека; но внутренняя, душевная потребность искать идеалы и орудия для совершения благих предприятий на пользу народа своего и человечества, эта тоска по чем-то лучшем падают на долю одних избранных и возвышенных личностей. Император Александр был одна из них. Эти свойства должны быть ему зачтены пред судом истории и потомства. Из писем его видим, что, еще во дни ранней молодости, он не сочувствовал деятелям и высокопоставленным лицам, которые значились тогда при дворе и у кормила государства. Он уже тосковал о прииске новых людей; ему нужна была другая атмосфера, нужен был воздух более чистый и легкий. Ему было душно в той среде, в которой был он заперт; он жаждал перевоспитать себя, пересоздаться в новой школе, в сотовариществе или, вернее сказать, под руководством, под влиянием людей других понятий, других стремлений, другого закала. С увлекательностью молодости, с полной доверчивостью и едва ли не с полным нравственным подчинением окружил он себя Новосильцевым, Строгановым, Чарторыйским, Кочубеем. Позднее говаривал он, что не любит, когда ввертывают палки в колеса его (*quand on met des bâtons dans mes roues*); но здесь бояться этого было нечего: подвижники его не тормозили колес, а скорее придавали им лишнего хода. Позднее, когда требования теории обратились в обязанности практики, когда бремя государственных забот и дел легло всею тяжестью своею на плеча и совесть его, он тоже, можно сказать, с лихорадочною заботливостью искал людей избранных и свыше предназначенных для осуществления чистых и доброжелательных намерений своих; искал, испытывал, но не всегда находил. За то, когда встречал он личности, в которых признавал те качества, которые мечтались ему, он предавался им, можно сказать, без оглядки; но до поры и до времени, прибавить должно. Мы видели, как был он под обаянием Сперанскаго и графа Каподистрии. Первоначальное влияние на него Лагарпа не осталось без следов, может быть, и на всю жизнь его. Г-жа Крюднер, и та имела свой влиятельный день: отпечаток ее отметит две-три страницы, как политической, так и глубоко-внутренней истории Александра.

III

Были горячие привязанности, но бывали и охлаждения. Если ближе и беспристрастно вникнуть в эти последние, если исследовать причины и свойства их, то увидим, что они порождались не столько изменчивостью характера и сочувствий Александра, сколько логической силою событий и знамений времени. По странному стечению обстоятельств, некоторые из доверенных лиц Государя, при всей искренней преданности к нему, в которой нисколько не сомневаемся, имели еще цели личные, которые они преследовали. Не будем винить их и в этом; вероятно, по их убеждению, подобное стороннее домогательство могло согласоваться с политическим могуществом России. Они могли заблуждаться, но могли быть и добросовестны. Лагарп, например, был кровный Швейцарец и республиканец. Не изменяя России, он пользовался положением своим и благоволительными отношениями к нему Александра, чтобы склонять политику России на сторону Швейцарии и обеспечить судьбу и свободу ее могущественным тогда покровительством Русского императора. Князь Чарторыйский был в таком же двусмысленном, или двуличном положении. Он без сомнения был предан Государю. Нет повода признавать его изменником государству в России во время участия его в государственных делах. Без натяжки нельзя обвинять его в измене. Но надежды, но виды его в пользу родины так чувствительно и щекотливо дотрагивались до самородных выгод России, что политическое положение его было в самом деле неправильностью и могло даже вязаться опасностью. Но в этом отношении не он один был виноват; а виноваты были обстоятельства, так сложившиеся. Без измены России, Чарторыйский мог мечтать о Польше, восстановленной при содействии России и под охраною и опекою ее. Могло казаться ему, что Польша, удовлетворенная и успокоенная, будет надежною и полезною передовою странною России; что таким образом она вернее и навсегда сольется с нею. Впрочем, в то время сам Александр, более или менее, разделял с ним желания и надежды его. Следовательно, измены пока не было. Позднейшего Чарторыйского создали опять события. По всем отзывам людей, близко знавших его, он был человек характера не твердого, воли не сильной, а легко поддающейся гнету обстоятельств, искательствам и внушениям среды его окружающей. К тому же наследственное, родовое честолюбие, которым пропитал он себя с груди матери, могло легко увлечь его далее, нежели он предполагал и желал. Как бы то ни было, изменником России и государственным преступником явился он уже по кончине императора Александра. Но прозорливый Государь как будто предвидел будущие колебания и умыслы своего прежнего сподвижника и друга. С самого восстановления Царства Польского, прервались почти все сношения, которые более или менее сближали их. Многие приписывали большое влияние Чарторыйскому над Александром и после удаления его от дел и увольнения от министерства. Это несправедливо. Доказательством тому служит, что, при образовании Царства Польского, Чарторыйский оставлен был на втором и третьем плане. Своим, так сказать, поверенным в делах Польских Государь назначил не его, а Новосильцева. Этот выбор ослабил и охолодил старые связи двух приятелей. Чарторыйский никогда не мог простить Новосильцеву, что он занял место, которое он признавал своим.

Император Александр не раз, с тонкою политическою прозорливостью и осторожностью, умел останавливать на ходу и спроваживать людей, которые могли, так сказать, компрометировать достоинство и власть его. Здесь кстати применить к делу простую нашу поговорку: дружба дружбою, а служба службою. Цари могут лично любить кого хотят; но государственною властью и доверием обязаны они облекать только тех, которые государству могут быть истинно полезны, и держать их при себе, пока они полезны.

Сперанский одарен был великими и разносторонними способностями; он легко и свороботал. Не смотря на некоторые придиришки Карамзина (впрочем, все основательные) редак-

тор был он искусный, даже изящный; особенно в сравнении с прежними правительственными редакторами. В этом отношении отдавал справедливость ему и строгий до педантизма Дмитриев². Докладчиком должен он был быть превосходным, приятным, вкрадчивым, так, сказать ловко преподающим свой доклад. Ум его не был ум глубокий, сосредоточивающий, а легко подагливый на все стороны, ум охотно и свободно объемлющий все, что представлялось глазам его. Он также мог быть министром финансов, министром народного просвещения, как министром иностранных дел. Везде, и тут и там, был бы он на месте и, более или менее, отличался бы своею служебною деятельностью. Но энциклопедические свойства ума его призваны были на поприще ему именно более всего приличное. Государь угадал его и ев полною доверенностью приблизил к себе. Он облек его сначала совещательною властью: никакого управления не отдал он в руки ему, но при себе, но в кабинете своем, давал ему голос по всем частям управления. Вскоре сей голос келейный возобладавал над всеми другими голосами. Не имея министерства ему присвоенного, не будучи министром, Сперанский был то, что в старину называли первым министром.

Как бы то ни было, Сперанский был для Александра нецененной находкой. Некоторые из деятелей старого времени, еще оставшиеся на лицо, имели более опытности, более государственного веса, может быть ближе знали Россию, нежели Сперанский, так сказать одним шагом поступивший из семинарии в среду государственных дел. Но молодой Государь изверился в достоинство старых деятелей. Он требовал молодых сил, новых стихий. Он хотел вино новое влить в мехи новые; а вино преобразований, новых учреждений, новых порядков бродило в то время и просилось наружу. Таковы были соображения Государя. Может быть, Россия не совершенно им сочувствовала: она более доверяла старикам, которых привыкла видеть у кормила государства, которых привыкла она называть сановниками, вельможами. Народ вообще вовсе не так демократичен, как многие полагают. Обаяние высокого имени очень действует на него: он охотно верует в людей дошедших до больших чинов постоянною, долговременною службою. Петровская Россия не любила Меншикова, Александровская – Сперанскаго. Петр и Александр, напротив, особенно любили избранных приемышей своих. И это очень естественно. Они готовы были сказать: «Пусть мертвые хоронят мертвецов своих; нам нужны живые, люди еще небывалые, не очерстневшие под корою преданий».

² Все проекты новых постановлений и ежегодные отчеты по министерству внутренних дел при Кочубее были им (Сперанским) писаны. Последние ее только имели достоинство новизны, но и со стороны методического расположения (весьма редкого и поныне в наших приказных бумагах), исторического изложения по каждой части управления, по искусству в слог, могут послужить руководством и образцами («Взгляд на мою жизнь» И. И. Дмитриева).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.